

Гласное, публичное и открытое судебное разбирательство как гарантия полноты и эффективности судебной защиты прав человека

О.Ю. Волченко^{1✉}

¹Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации
Воробьевское шоссе, д. 6А, г. Москва 119285, Российская Федерация

✉ e-mail: olegvolchenko@mail.ru

Резюме

Актуальность. Право публики на доступ в зал судебного заседания такое же старинное и древнее юридическое установление, как и само судебное разбирательство. Закрытый суд – это не в полной мере «суд» в его подлинном историко-правовом содержании. По пути публичности отправления правосудия в целом шло развитие государственно-правовых институтов как в России, так и в зарубежных странах, хотя и наблюдались периоды, в течение которых вместо «правосудия» имела место «расправа» в закрытом от общества режиме. Данные обстоятельства ставят перед юридической наукой новые исследовательские задачи.

Цель настоящего исследования заключается в попытке авторской интерпретации принципов гласности, публичности и открытого суда на современном этапе государственно-правового генезиса России.

Задачи. Для раскрытия замысла настоящей статьи были поставлены и решены следующие задачи: определить признаки понятий «гласность», «публичность», «открытость»; выявить их взаимосвязь с конституционными функциями и социальным предназначением правосудия.

Методология. Методологическая основа исследования включает общие и особенные методы и приемы, которые выработаны и апробированы современной юридической наукой: анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход.

Результаты. Настоящее исследование позволяет обосновать точку зрения, что государство и право лишь в течение новейших этапов истории страны демонстрируют существенную склонность к транспарентности, публичности и гласности, вовлечению общественности в публично-правовую деятельность и поддержке партнерских отношений власти и общества.

Вывод. Открытое судебное заседание предполагает право присутствовать и наблюдать за происходящим в зале суда широкого круга лиц за исключениями и изъятиями, которые могут быть установлены только законом, что должно соответствовать критериям части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации и может быть проверено Конституционным Судом Российской Федерации по жалобам граждан и запросам государственных органов.

Ключевые слова: правосудие; права человека; правосознание; состязательность судебного процесса; судебная дискреция; справедливость; законность.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Волченко О.Ю. Гласное, публичное и открытое судебное разбирательство как гарантия полноты и эффективности судебной защиты прав человека // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 66–77. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-66-77>.

Поступила в редакцию 14.01.2025

Принята к публикации 19.03.2025

Опубликована 28.04.2025

© Волченко О.Ю., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(2):66-77

Transparency, public and open trial as a guarantee of the completeness and effectiveness of judicial protection of human rights

Oleg Yu. Volchenko^{1✉}

¹All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry Economic Development of the Russian Federation
6A Vorobyovskoe highway, Moscow 119285, Russian Federation

✉e-mail: olegvolchenko@mail.ru

Abstract

Relevance. The right of the public to enter a courtroom is as old and ancient a legal institution as the trial itself. A closed court is not fully a "court" in its true historical and legal content. In general, the development of state legal institutions both in Russia and in foreign countries followed the path of publicity in the administration of justice, although there were periods during which instead of "justice" there was "retribution" in a regime closed from society. These circumstances pose new research challenges for legal science.

The purpose of this study is to attempt the author's interpretation of the principles of transparency, publicity and open court at the present stage of the state and legal genesis of Russia.

Objectives. To reveal the intent of this article, the following tasks were set and solved: to determine the characteristics of the concepts of "publicity", "publicity", "openness"; identify their relationship with the constitutional functions and social purpose of justice.

Methodology. The methodological basis of the study includes general and special methods and techniques that have been developed and tested by modern legal science: analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical approach.

Results. This study allows us to substantiate the point of view that the state and law only during the latest stages of the country's history demonstrate a significant inclination towards transparency, publicity and openness, public involvement in public legal activities and support of partnerships between government and society.

Conclusion. An open court session presupposes the right to be present and observe what is happening in the courtroom for a wide range of people, with exceptions and exceptions that can only be established by law, which must comply with the criteria of Part 3 of Art. 55 of the Constitution of the Russian Federation and can be verified by the Constitutional Court of the Russian Federation based on complaints from citizens and requests from government bodies.

Keywords: justice; human rights; legal consciousness; adversarial litigation; judicial discretion; fairness; legality.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Volchenko O.Yu. Transparency, public and open trial as a guarantee of the completeness and effectiveness of judicial protection of human rights. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2025;15(2):66–77. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-66-77>.

Received 14.01.2025

Accepted 19.03.2025

Published 28.04.2025

Введение

В числе конституционных принципов, которые служат гарантией полноты и эффективности судебной защиты прав человека, важное место занимают нормативно-правовые установления на гласное [1, с. 27], публичное [2, с. 38] и открытое [3, с. 37] судебное разбирательство. Несмотря на ряд лингвистических различий

между категориями «гласность», «публичность» и «открытость», в данном контексте они используются как схожие, весьма близкие по содержанию термины. Об этом, в частности, свидетельствует опыт советской России: ст. 9 ГПК РСФСР 1964 г., равно как ст. 18 УПК РСФСР 1960 г., имели наименования «гласность судебного разбирательства»,

содержательно утверждали об *открытых* и закрытых судебных заседаниях, требовали *публичного* провозглашения судебных решений. В более ранней практике (ст. 94 ГПК РСФСР 1923 г., ст. 19 УПК РСФСР 1922 г.) законодатель предпочитал термин «публичность» (*публичное* разбирательство дела, нежелательность публичного разбирательства при ряде обстоятельств, наиболее существенные из которых – охрана *публичного* интереса, включая военную, дипломатическую и государственную тайну, а также интимная сторона жизни, преступления против половой неприкосновенности – *частный* интерес).

Конституционное регулирование при этом традиционно отдавало предпочтение принципу «открытого разбирательства»: ст. 111 Конституции СССР 1936 г. (разбирательство открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, связанные с обеспечением обвиняемому права на защиту); ст. 157 Конституции СССР 1977 г. (разбирательство открытое, слушание в закрытом заседании допускается в случаях, установленных законом, «с соблюдением всех правил судопроизводства»). Эту же государственно-правовую традицию, по существу, поддерживает действующая Конституция РФ 1993 г., ч. 1 ст. 123 которой гласит: «Разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом».

Принципам «открытости», «гласности» и «публичности» корреспондируют дифференцированные объекты правового регулирования, наиболее значимыми из которых являются, во-первых, *судебное разбирательство* (причем не на всех его стадиях [4, с. 9]; во-вторых, учитывая конституционно-правовой принцип тайности совещания судей, поддерживаемый отраслевым законодательством и юридической традицией) [5, с. 40]; в-третьих, *провозглашение судебного решения* (про-

цессуальное законодательство в соответствии с Конституцией РФ требует, чтобы решения провозглашались публично без какого-либо исключения на основании ч. 3 ст. 55 Конституции РФ), *деятельность судов* (в правовой системе современной России, в частности, принят и действует Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»)¹.

Конституционное регулирование охватывает, как правило, первые два объекта (судебное разбирательство и провозглашение решения), хотя не исключает публичность самого правосудия, открытый режим доступа к информации о судебной деятельности в целом. Данная методология характерна не только для ч. 1 ст. 123 Конституции РФ, но и конституций многих зарубежных стран (разбирательство дела – открытое, за исключением случаев, предусмотренных законом; провозглашение судебных решений – публичное: ст. 96 Конституции Чехии, ст. 120.1 Конституции Испании и др.). Таким образом, основным объектом принципов гласности, публичности и открытости (в совокупности и системном единстве) является судебное разбирательство, исключая тайну судей в совещательной комнате. Это касается, главным образом, *публики и прессы*, т. е. лиц, интересующихся данным судебным разбирательством в силу каких-либо причин [6, с. 70], непосредственно не связанных с правами и законными интересами тяжущихся сторон [7, с. 200].

Права и законные интересы последних обеспечиваются режимом гласности, публичности и открытости лишь косвенным образом (как гарантия справедливого и эффективного суда); сам же доступ к

¹ Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федер. закон от 22 дек. 2008 г. № 262-ФЗ : посл. ред. // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82839/ (дата обращения: 28.12.2024).

информации о судебном процессе для этой категории лиц обеспечивается другим конституционным установлением – доступом к правосудию. Иными словами, непосредственными правообладателями в конструкции «гласное, публичное и открытое судебное разбирательство» являются субъекты, не относящиеся к категориям «участники процесса», «лица, участвующие в деле» [8, с. 780] и т. д. Полагаем в связи с этим наиболее точной в данном случае терминологию Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6): это именно «пресса» («press») и «публика» («public»), причем в обратной последовательности (прежде всего, СМИ, затем – все иные желающие). Несмотря на утрату юридического значения данной Конвенции для правовой системы России, полагаем, что она по-прежнему сохраняет ориентирующее значение для адекватного толкования ч. 1 ст. 123 Конституции РФ.

Методология

Методологическая основа исследования опирается на ряд общих и специальных юридических подходов и приемов, которые позволяют раскрыть заявленную проблематику с различных научных позиций и в то же время сформировать авторскую аргументацию выводов и результатов. При исследовании проблематики обеспечения баланса конкурирующих конституционно-правовых ценностей использовался системный подход; в ходе изучения практики обеспечения гласности судебного процесса вследствие реформ Александра II и М.С. Горбачева – историко-правовая методология; вопросы доступа публики в судебные заседания изучались на основе метода конкретного юридико-технического исследования.

Результаты и их обсуждение

Гласность, публичность и открытый характер судебного разбирательства в современном законодательстве и правоприменительной практике являются

практически общепризнанными. Это гарантируется на международно-правовом уровне, включая Всеобщую декларацию прав человека (ст. 10), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 14). В юридической литературе, как правило, поддерживается позитивная оценка данного конституционного принципа. Так, М.С. Колосович и Ю.С. Чичерин считают его средством защиты общества от «преступности, произвола и коррупции правоохранительных органов» [9, с. 130]. По мнению А.А. Кайгородова, гласность судебного разбирательства и открытость текста судебного решения противодействуют тайному, не подконтрольному обществу отправлению правосудия, что является существенным фактором доверия населения к деятельности государственных органов ввиду юридического требования надлежащего информирования населения о ходе судопроизводства и его результатах [10, с. 58].

Присоединяясь в целом к данной точке зрения и полагая, что перечень аргументов в пользу гласности, публичности и открытости судебного разбирательства можно было бы расширить (легитимность, развитие правосознания, повышение правовой культуры населения, формирование негативного отношения к правонарушениям, частная и общая превенции и др.), вместе с тем считаем необходимым подчеркнуть, что взятые сами по себе эти принципы имеют и оборотную сторону. Они, в частности, отвлекают судей, прокуроров, адвокатов и других профессиональных участников правоприменительного процесса на второстепенные (с точки зрения конституционных функций правосудия) цели и задачи: позитивное общественное мнение, противодействие критике в СМИ, поддержка профессиональной чести и деловой репутации.

Кроме того, повышается вероятность злоупотребления правом со стороны лиц, притязающих на доступ к информации о

ходе судебного разбирательства, особенно если речь идет о защите охраняемой законом тайны (не только государственной и иной публичной, но также личной и семейной, профессиональной, включая врачебную, банковскую, нотариальную, адвокатскую, тайну исповеди и др.). Критическая и публично распространяемая информация [11, с. 208] вредит репутации судей в глазах общественности [12, с. 21], поэтому внутренняя мотивация к судебному решению при расширенной публичности процесса может основываться не столько на требованиях закона и исследованных фактических обстоятельствах дела [13, с. 89], сколько на естественной (с общечеловеческой точки зрения) потребности избежать «неприятностей» и огласки негативных сторон профессиональной деятельности соответствующего лица [14, с. 107].

В поисках баланса между конкурирующими конституционно-правовыми ценностями (с одной стороны, публичности процесса, с другой – необходимости пресечения злоупотребления правом и защиты охраняемой законом тайны), законодатель отдает предпочтение первой из них лишь в качестве *общего правила*, из которого необходимы изъятия и определенные исключения (которые должны быть ясно и четко оговорены законом при наличии, тем не менее, судебной дискреции). Примечательный опыт в этом отношении дают нормы ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, однако следует учитывать их сравнительно широкую формулировку, которая по своему замыслу должна позволять национальным правовым системам устанавливать собственное правовое регулирование, основанное на правовых традициях и актуальных проблемах современности (в отличие от общего ориентирующего стандарта). Для современной России это особенно актуально, потому что законодатель юридически не связан положениями ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод,

но государственно-правовая политика все равно должна отвечать объективным потребностям общества и быть нацеленной на реализацию требований ст. 2 Конституции РФ.

Основания ограничения гласности судебного процесса по смыслу ст. 6 Конвенции сводятся к следующему: это «morals» (мораль, нравственность), «public order» (общественный порядок, общественная безопасность) и «national security» (государственная безопасность, национальная безопасность, безопасность конституционного строя), что сопровождается условиями и оговорками: в целях поддержки демократического строя (in a democratic society), при особых или даже крайних обстоятельствах (special circumstances), когда ограничение публичности *действительно* требуется и *строго* необходимо («interests so require», «extent strictly necessary»), с учетом мотивированного мнения суда (opinion of the court) и, пожалуй, главное – если публичность угрожает интересам правосудия, формируя его предубеждения (publicity would prejudice the interest of justice) [15, с. 66].

Данные формулировки не всегда именно таким образом используются в правовой системе России, однако они во многом раскрывают теоретико-методологический аспект [10, с. 119] в содержании категории «гласность, публичность и открытость судебного разбирательства» [17, с. 58]. По существу, отечественный законодатель опирается именно на эту методику [17, с. 176], хотя конституционно-правовые и отраслевые процессуальные нормативные конструкции отличаются зачастую своеобразием и самобытностью (ст. 123 Конституции РФ, ст. 241 УПК РФ, ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 АПК РФ, ст. 24.3 КоАП РФ, ст. 11 КАС РФ). При этом следует учитывать ряд историко-правовых обстоятельств, в числе которых можно особенно выделить, во-первых, дореволюционные основания ограничения публичности судебного разбирательства (ст. 621 Устава уголовного

судопроизводства от 1864 г.), во-вторых, опыт «постановочных» или «показательных» процессов в сталинском СССР, в-третьих, значение термина «гласность» в период горбачевской «перестройки», в-четвертых, современные условия функционирования государства и права в России.

В период после судебной реформы Александра II и до революционных событий 1917 г. судебные процессы полагались закрытыми при следующих обстоятельствах: «богохуление», оскорбление святыни, порицание веры; семейственные дела; честь и целомудрие женщины, развратное поведение, противоестественные пороки и сводничество [18, с. 168]. Сравнивая этот опыт с современным стандартом («morals», «public order», «national security»), очевидным выглядит приоритет в пользу морали, включая недопустимость оскорбления религиозных чувств верующих [19, с. 37]; при этом вопросы общественного порядка и государственной безопасности в ст. 621 Устава уголовного судопроизводства от 1864 г. не оговаривались. Предполагалось, что подобные основания не являются достаточными, чтобы закрыть судебный уголовный процесс от общества.

Революционные события 1917 г. стимулировали принятие декретов СНК от 24 ноября 1917 г. «О суде», от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре». Политика диктатуры пролетариата предполагала не просто раскрытие для общества судебных процессов над контрреволюционерами и саботажниками, иными враждебными рабочему классу элементами. Это делалось публично и гласно, чтобы придать уголовным процессам революционно-воспитательное значение, формировать в народной массе обновленное правосознание (непримиримость к врагам народа, безжалостная расправа над провинившимися) [20, с. 268]. Кроме противодействия действительной оппозиции социалистической революции, нередко наблюдались подтасовка и фальсифика-

ция фактов, давление на свидетелей, подбор публики и цензура прессы [21, с. 62].

Процессы в глазах общественности должны были выглядеть как «показательные», с деятельным раскаянием публично признавших свою вину подсудимых и их, чаще всего, расстрелом (либо лишением свободы на продолжительные сроки). Таковыми были процессы 1920-х гг. («Московский процесс против эсеров», «Шахтинское дело», «Дело Союзного бюро ЦК РСДРП меньшевиков», «Дело Трудовой крестьянской партии», «Академическое дело»), «московские процессы» 1932–1938 гг. (первый процесс 1936 г. с обвинением Зиновьева и Каменева, в общей сложности 16 фигурантов; второй процесс 1937 г. с обвинением 17 человек; третий процесс 1938 г., в котором обвиняемыми выступили не только Бухарин и его соучастники, но также организатор первого процесса Генрих Ягода; все подсудимые, за исключением Г. Ягоды, были впоследствии реабилитированы).

Новое значение термин «гласность» приобрел в период реформ М.С. Горбачева, когда в обществе обозначились приоритеты открытости для общества деятельности государства и СМИ, недопустимости замалчивания критики и проблем, ослабления цензуры¹ и снятия ряда информационных барьеров и табу. Диссидентское движение в пользу гласности наблюдалось и ранее (например, митинг гласности в Москве от 5 декабря 1985 г.), но оно расходилось с политикой партии и правительства. После апрельского пленума ЦК КПСС от 1985 г., и особенно XXVII съезда КПСС, политика «гласности, перестройки и ускорения» стала, напротив, официальной [22, с. 251].

В своем докладе на этом съезде М.С. Горбачев в числе прочего акцентировал внимание на приоритетах «самоуправления народа», «возможности каж-

¹ Цензура отменялась Законом СССР «О печати» от 1 августа 1990 г., возобновлялась Указом ГКЧП в августе 1991 г., который фактически не имел юридической силы.

дого гражданина участвовать в управлении», «усиления и расширения гласности», «бескомпромиссной оценки всего, что мешает идти вперед», «преодоления недостатков, злоупотреблений, болезненных явлений». Демократический режим М.С. Горбачев сравнил со «здоровым и чистым воздухом»; провозгласил, что «нам нужна правда»; потребовал, чтобы власть осуществлялась «под контролем народа и на виду у народа». Термин «гласность» в тот период уже длительное время применялся в гражданско-процессуальном (ст. 9 ГПК РСФСР от 1964 г.) и уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 18 УПК РСФСР от 1960 г.), однако с изменением политики партии и правительства он приобрел новое или весьма существенно обновленное государственно-правовое значение. Будучи руководящей и направляющей силой советского общества [23, с. 90], КПСС потребовала, чтобы режим гласности повсеместно расширялся и углублялся, включая судебную и правоохранительную сферы.

В современном государстве и праве законодатель отдает предпочтение термину «открытое судебное разбирательство», избегая при этом категорий «публичность» и «гласность». Формулировка об «открытом» процессе является общей, не конкретизированной, что характерно не только для ч. 1 ст. 123 Конституции РФ, но и процессуального законодательства (ст. 241 УПК РФ, ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 АПК РФ, ст. 24.3 КоАП РФ, ст. 11 КАС РФ). В связи с этим в юридической литературе высказываются различные точки зрения, имеет место широкая теоретическая дискуссия.

Так, Е.Н. Ямоц считает, что гласность – разновидность общественной гласности и предполагает, главным образом, конституционные гарантии получения, хранения и распространения полной, достоверной и своевременной информации о деятельности органов государства, включая судебные [24, с. 164]. Д.В. Гапо-

ненко полагает, что информационные технологии «оптимизируют судопроизводство», однако требуется информационный баланс между, с одной стороны, неограниченным доступом к информации, с другой – защитой определенных категорий информации [25, с. 122]. При этом, по мнению М.А. Осиповой, осуществление судебного заседания «при открытых дверях» означает право любого совершеннолетнего лица присутствовать на любом открытом судебном заседании на основании одной лишь своей воли, причем присутствующий вправе, по крайней мере, наблюдать и фиксировать происходящее, а после завершения слушаний в суде – обсуждать увиденное и распространять соответствующую информацию среди неограниченного круга лиц. Закон запрещает как беспричинное удаление из зала суда, так и немотивированное решение о проведении закрытых слушаний [26, с. 77]. Подчеркнем, что ни Конституция РФ, ни процессуальный закон подобные гарантии в прямой формулировке не предоставляют. Однако в силу общности и правовой неопределенности анализируемых законодательных установлений подобное истолкование исключаться не должно.

В самом деле, означает ли конституционная гарантия открытого судебного разбирательства безоговорочное право *каждого желающего* присутствовать на *любом* судебном заседании? Если это так, то каковы правовые последствия нарушения судом правил доступа публики и прессы в зал судебного заседания? При рассмотрении данной проблемы можно обнаружить законодательную неопределенность, пробелы, недостаточную нормативную проработку и даже пренебрежение данным актуальным вопросом, который, на наш взгляд, не может находиться в сфере широкой судебной дискреции и требует, прежде всего, законодательного разрешения.

Право публики на доступ в зал судебного заседания – такое же старинное и

древнее юридическое установление, как и само судебное разбирательство. Закрытый суд (т. е. судебное заседание, в котором участвуют лишь стороны и судьи, а также необходимые для исследования доказательств лица, главным образом, свидетели) – это не в полной мере «суд» в его подлинном историко-правовом содержании. По пути публичности отправления правосудия в целом шло развитие государственно-правовых институтов как в России, так и в зарубежных странах, хотя и наблюдались периоды, в течение которых вместо «правосудия» имела место «расправа» в закрытом от общества режиме.

С течением времени расширялся состав управомоченных субъектов и формы реализации их прав и законных интересов: во-первых, с появлением прессы актуализировался вопрос о ее праве на присутствие и освещение хода судебного разбирательства; во-вторых, с развитием телевидения приобрел актуальность вопрос о допустимости трансляции судебных заседаний в прямом эфире или в их записи для последующего ознакомления публики (последнее – с меньшими гарантиями ввиду возможности цензуры и монтажа); в-третьих, в современном информационном обществе появились реальные организационно-технические возможности для прямой трансляции в сети Интернет не просто выборочных заседаний для телевидения, но значительного числа судебных заседаний и даже всех без исключения открытых судебных заседаний, если этого потребует закон.

Подчеркнем, что в данном случае речь не идет о закрытых судебных заседаниях или о закрытой части судебного заседания. Если суд провозгласил разбирательство открытым и не нашел оснований для введения режима закрытого заседания или его части (по собственной инициативе либо по ходатайству сторон), по логике, доступ к соответствующей информации в силу закона должны иметь все желающие, будь то трансляция в

прямом эфире, запись и размещение видеоролика в сети Интернет, неограниченное право присутствия публики и прессы, освещение хода судебного разбирательства журналистами в газетах, журналах, на радио и телевидении. В действительности же законодательство в данном вопросе фрагментарно и содержит пробелы, ограничивается общими и неопределенными формулировками, которые можно истолковать многозначным образом. В свою очередь, суды пользуются весьма широкой правоприменительной дискрецией.

Объяснения этому во многом опираются на традиции государственно-правовой системы России, в том числе ее судебной составляющей. Государство и право лишь в течение новейших этапов истории страны демонстрируют существенную склонность (причем не во всем достаточную с точки зрения конституционных требований) к транспарентности, публичности и гласности, вовлечению общественности в публично-правовую деятельность и поддержке партнерских отношений власти и общества с точки зрения их взаимных прав и обязанностей, публичных обязательств и условий надлежащего взаимодействия. Государство и право – публично-властные институты, которые предполагают, с одной стороны, обеспечение коллективной безопасности и справедливости, с другой – принуждение и юридическую ответственность. При этом среди многих представителей власти складывается устойчивое представление о том, что более эффективным для достижения функционального предназначения государства и права является использование инструментария закрытости, келейности, минимизации информации, раскрытия лишь позитивных достижений и сокрытия имеющихся недостатков (как системных, так и частно-фрагментарных).

В судебском сообществе наблюдается предубеждение против представителей СМИ и общественности, причем оно

опирается не только на ошибочность оценки тех или иных обстоятельств социальной действительности, но также и на ряд объективных факторов и общественных закономерностей. Публичное лицо в условиях функционирования конституционных гарантий гласности находится под особенно пристальным вниманием общественности, что делает его незащищенным от критики, причем не всегда справедливой и обоснованной. Конституционно оправданная цель стимулирования общественной дискуссии нередко приводит к обратному эффекту: вместо беспристрастной оценки фактических и юридических обстоятельств дела проявляется мотив нейтрализации негативных информационных последствий. Особенно ярко это выглядит в современном обществе, которое насыщено социальными сетями, мобильными устройствами, цифровыми технологиями и довольно сдержанным информационно-правовым регулированием.

Вывод

Необходимо установление ряда юридических цензов (помимо совершеннолетия, это может быть, например, дееспособность). Кроме того, актуален вопрос о наличии достаточного числа мест в зале судебного заседания. Последнее обстоятельство в практической действи-

тельности считается судьями достаточным, чтобы отказать публике или прессе в присутствии. Однако если посмотреть на данный вопрос шире, то обнаруживается, что это не более чем отговорка. Вне сомнения, суд не может и не обязан прогнозировать количество желающих присутствовать публики. Но можно ввести, например, режим предварительной записи, с тем чтобы надлежащий зал был подобран администрацией судов в полном соответствии с режимом свободного доступа граждан и СМИ.

Если бы процессуальный закон устанавливал существенные юридические санкции за нарушение права граждан на доступ в судебное заседание в качестве публики и, особенно, СМИ, облик современного российского правосудия существенным образом изменился. Открытое судебное заседание, на наш взгляд, потому и «открытое», что присутствовать и наблюдать за происходящим в зале суда вправе широкий круг лиц за исключениями и изъятиями, которые могут быть установлены только законом, что должно соответствовать критериям ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и может быть проверено Конституционным Судом РФ по жалобам граждан и запросам уполномоченных на доступ к конституционному правосудию государственных органов.

Список литературы

1. Нечаева Л.А. Эволюция принципа гласности судопроизводства в России и зарубежных странах // Вестник Международного института экономики и права. 2014. № 3. С. 27-32.
2. Вилова М.Г. Конституционные гарантии реализации права на публичное судебное разбирательство // Вопросы современной юриспруденции: сборник статей по материалам XLIX-L Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во СибАК, 2015. С. 38-44.
3. Бумагин А.Н. Принцип открытого судебного разбирательства в системе конституционных принципов судебной власти и гарантий реализации конституционного права на судебную защиту // Современное общество и право. 2014. № 4. С. 37-48.
4. Францифоров Ю.В. Сочетание гласности и тайности при производстве предварительного расследования и судебного разбирательства // Адвокатская практика. 2007. № 4. С. 9-14.
5. Еныгина Т.А. Тайна совещательной комнаты как необходимое условие реализации принципа независимости судей // Новый юридический вестник. 2020. № 7. С. 40-51.
6. Чаплинский А.В. Доступ публики в залы судебных заседаний // Законодательство. 2011. № 10. С. 70-79.

7. Третьякова О.В. Средства массовой информации и авторитет правосудия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 7. С. 200-209.
8. Захаров А.Е. Лица, участвующие в деле, и другие участники судебного процесса в рамках рассмотрения дел по КАС РФ // Аллея науки. 2023. Т. 2, № 5. С. 780-793.
9. Колосович М.С., Чичерин Ю.С. Нормативная регламентация гласности судебного разбирательства периода судебной реформы 1864 года // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 3. С. 130-139.
10. Кайгородов А.А. Актуальные проблемы пределов ограничения гласности судебного разбирательства и открытости текста судебного решения // Российское правосудие. 2010. № 7. С. 58-68.
11. Бурцева А.Д., Соколова Е.Т. Проблемы репутации судьи в современном мире // NovaUm.Ru. 2019. № 17. С. 208-213.
12. Владыкина Т.А. Репутация судьи в Российской Федерации // Российский судья. 2011. № 9. С. 21-34.
13. Назаров С.В. К проблеме оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 4. С. 89-90.
14. Коршунова П.В. Правовая культура и правосознание судей: общетеоретические аспекты осуществления правосудия в России // Правовая культура. 2020. № 1. С. 107-115.
15. Аносова Л.С., Агальцова М.В. Гласность судебных заседаний: российский опыт через призму Европейской конвенции по правам человека // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3. С. 66-79.
16. Бумагин А.Н. Конституционно-правовые основания ограничения публичности судопроизводства по моральным основаниям // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2. С. 119-130.
17. Абросимова Е.Б. Судебная власть: транспарентность или конфиденциальность? // Права человека: законодательство и судебная практика: сборник научных трудов / Российская акад. правосудия. М., 2009. С. 176-187.
18. Ефремова Н.Н. Эволюция конституционных основ правосудия в официальных проектах и актах в России в XIX-XX веках // Российский конституционализм в контексте историко-правовых исследований: сборник научных трудов. СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2014. С. 168-173.
19. Исаева А.А. Запрет оскорбления религиозных чувств верующих и реализация прав человека: сравнительно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 37-46.
20. Бакунцев А.В. Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. 2013. № 4. С. 268-278.
21. Юстус Н.А., Петрова А.А., Саньков М.А. Цензура XX века как пагубное влияние на развитие культурной жизни СССР // Символ науки: международный юридический журнал. 2016. № 11-2. С. 62-69.
22. Полюнов М.Ф. Реформаторская деятельность М.С. Горбачева: первый этап перестройки. 1985-1986 гг. // Проблемы истории и историографии. 2016. № 4. С. 251-267.
23. Волгин Е.И. Демонтаж однопартийной системы в СССР: политические и правовые аспекты // Вестник Московского университета. Серия: История. 2016. № 5. С. 90-101.
24. Ямоц Е.Н. Доступ к правосудию в контексте права на судебную защиту и гласности судебного разбирательства // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. 2015. № 6. С. 164-175.
25. Гапоненко Д.В. Смена подхода к правовому регулированию принципа гласности судебного разбирательства // Правоприменение в публичном и частном праве: материалы Международной научной конференции. Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2023. С. 122-139.
26. Осипова М.А. Гласность правосудия: открытое и закрытое судебное разбирательство в уголовном процессе // Гражданин и право. 2010. № 3. С. 77-87.

References

1. Nechaeva L.A. Evolution of the principle of openness of legal proceedings in Russia and foreign countries. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava = Bulletin of the International Institute of Economics and Law*. 2014;(3):27-32. (In Russ.)
2. Vilova M.G. Constitutional guarantees of the right to public trial. In: *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii: sbornik statei po materialam XLIX-L Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Issues of modern jurisprudence: collection of articles based on the materials of the XLIX-L International scientific and practical conference*. Novosibirsk: Izd-vo SibAK; 2015. P. 38-44. (In Russ.)
3. Bumagin A.N. The principle of open trial in the system of constitutional principles of the judiciary and guarantees of the implementation of the constitutional right to judicial protection. *Sovremennoe obshchestvo i pravo = Modern society and law*. 2014;(4):37-48. (In Russ.)
4. Fransiforov Yu.V. The combination of publicity and secrecy during preliminary investigation and trial. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*. 2007;(4):9-14. (In Russ.)
5. Enygina T.A. The secret of the deliberation room as a necessary condition for the implementation of the principle of independence of judges. *Novyi yuridicheskii vestnik = New Legal Bulletin*. 2020;(7):40-51. (In Russ.)
6. Chaplinsky A.V. Public access to courtrooms. *Zakonodatel'stvo = Legislation*. 2011;(10):70-79. (In Russ.)
7. Tretyakova O.V. Mass media and the authority of justice. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2012;(7):200-209. (In Russ.)
8. Zakharov A.E. Persons participating in the case and other participants in the trial within the framework of consideration of cases under the CAS of the Russian Federation. *Alleya nauki = Alley of Science*. 2023;2(5):780-793. (In Russ.)
9. Kolosovich M.S., Chicherin Yu.S. Regulatory regulation of the openness of judicial proceedings during the judicial reform of 1864. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;(3):130-139. (In Russ.)
10. Kaygorodov A.A. Current problems of the limits of limiting the publicity of judicial proceedings and the openness of the text of the judicial decision. *Rossiiskoe pravosudie = Russian justice*. 2010;(7):58-68. (In Russ.)
11. Burtseva A.D., Sokolova E.T. Problems of a judge's reputation in the modern world. *No-vaUm.Ru*. 2019;(17):208-213. (In Russ.)
12. Vladykina T.A. Reputation of a judge in the Russian Federation. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*. 2011;(9):21-34. (In Russ.)
13. Nazarov S.V. On the problem of assessing evidence based on the judge's inner conviction. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*. 2020;(4):89-90. (In Russ.)
14. Korshunova P.V. Legal culture and legal consciousness of judges: general theoretical aspects of the implementation of justice in Russia. *Pravovaya kul'tura = The Legal Culture*. 2020;(1):107-115. (In Russ.)
15. Anosova L.S., Agaltsova M.V. Publicity of court hearings: Russian experience through the prism of the European Convention on Human Rights. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2012;(3):66-79. (In Russ.)
16. Bumagin A.N. Constitutional and legal grounds for limiting the publicity of legal proceedings on moral grounds. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2015;(2):119-130. (In Russ.)
17. Abrosimova E.B. Judicial power: transparency or confidentiality? In: *Prava cheloveka: zakonodatel'stvo i sudebnaya praktika: sbornik nauchnykh trudov = Human rights: legislation and judicial practice*. Moscow: Rossiiskaya akad. pravosudiya; 2009. P. 176-187. (In Russ.)
18. Efremova N.N. The evolution of the constitutional foundations of justice in official projects and acts in Russia in the 19th-20th centuries. In: *Rossiiskii konstitutsionalizm v kontekste istoriko-pravovykh issledovaniy: sbornik nauchnykh trudov = Russian constitutionalism in the context of historical and legal*

research: collection of scientific papers. St. Petersburg: Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'tsina; 2014. P. 168-173. (In Russ.)

19. Isaeva A.A. Prohibition of insulting the religious feelings of believers and the implementation of human rights: comparative legal analysis. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law*. 2013;(4):37-46. (In Russ.)

20. Bakuntsev A.V. Speech by I.A. Bunin "The Mission of Russian Emigration" in the public consciousness of the era (based on materials from emigrant and Soviet periodicals of the 1920s). In: Yearbook of the House of Russian Abroad named after Alexander Solzhenitsyn. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna; 2013. P. 268-278. (In Russ.)

21. Justus N.A., Petrova A.A., Sankov M.A. Censorship of the 20th century as a detrimental influence on the development of cultural life of the USSR. *Simvol nauki = Symbol of Science*. 2016;(11-2):62-69. (In Russ.)

22. Polynov M.F. Reform activities of M.S. Gorbachev: the first stage of perestroika. 1985-1986. *Problemy istorii i istoriografii = Problems of history and historiography*. 2016;(4):251-267. (In Russ.)

23. Volgin E.I. Dismantling the one-party system in the USSR: political and legal aspects. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Istoriya = Bulletin of Moscow University. Series: History*. 2016;(5):90-101. (In Russ.)

24. Yamots E.N. Access to justice in the context of the right to judicial protection and publicity of judicial proceedings. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Vestnik of Polotsk State University. Series D: Economic and Legal Sciences*. 2015;(6):164-175. (In Russ.)

25. Gaponenko D.V. Changing the approach to legal regulation of the principle of publicity of judicial proceedings. In: *Pravoprimenenie v publichnom i chastnom prave: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii = Law enforcement in public and private law: proceedings of the International scientific conference*. Omsk: Omsk. gos. un-t im. F.M. Dostoevskogo; 2023. P. 122-139. (In Russ.)

26. Osipova M.A. Publicity of justice: open and closed proceedings in criminal proceedings. *Grazhdanin i pravo = Citizen and Law*. 2010;(3):77-87. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Волченко Олег Юльевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация,
e-mail: olegvolchenko@mail.ru
ORCID: 0009-0006-1004-325X

Oleg Y. Volchenko, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Procedural Law, All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation,
e-mail: olegvolchenko@mail.ru,
ORCID: 0009-0006-1004-325X